

Д Ж Е С С И Б О Л Л

СТОИТ ТОЛЬКО ЗАМОЛ- ЧАТЬ

Безмолвие заговорило — но мир его не понял.

THE NEW YORKER

CoRpus

Джесси Болл

Стоит только замолчать

«Corpus (АСТ)»

2014

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Болл Д.

Стоит только замолчать / Д. Болл — «Corpus (АСТ)», 2014

В одном японском городе за несколько месяцев загадочным образом исчезло восемь человек. У полиции нет никаких улик, никаких зацепок. Но однажды в полицейском участке появляется признание – некий Ода Сотацу берет вину за исчезновение этих людей на себя. Его отправляют за решетку, допрашивают, но он упорно молчит. Даже после суда, на котором он приговорен к смерти через повешение. Много лет спустя журналист по имени Джесси Болл решает разобраться в случившемся.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Болл Д., 2014
© Corpus (АСТ), 2014

Содержание

Вводные материалы	7
1. Положение Оды Сотаци	9
История рассказывается в первый раз	9
Пари	10
По словам его квартирной хозяйки, на следующее утро	11
Дочь квартирной хозяйки Оды	12
От интервьюера	13
Семь месяцев заточения	14
В ожидании суда	14
Допрос 1	14
Интервью 1 (Мать)	15
Исчезновения в Нарито	16
Допрос 2	17
Интервью 2 (Брат)	17
Допрос 3	18
Интервью 3 (Мать)	20
От интервьюера	22
Интервью 4 (Сестра)	22
Интервью 5 (Брат)	24
Интервью 6 (Брат)	26
Допрос 4	27
Интервью 7 (Мать)	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джесси Болл

Стоит только замолчать

This translation published by arrangement with Pantheon Books, an imprint of The Knopf Doubleday Group, a division of Random House, LLC.

© Jesse Ball, 2014

© С. Силакова, перевод, 2019

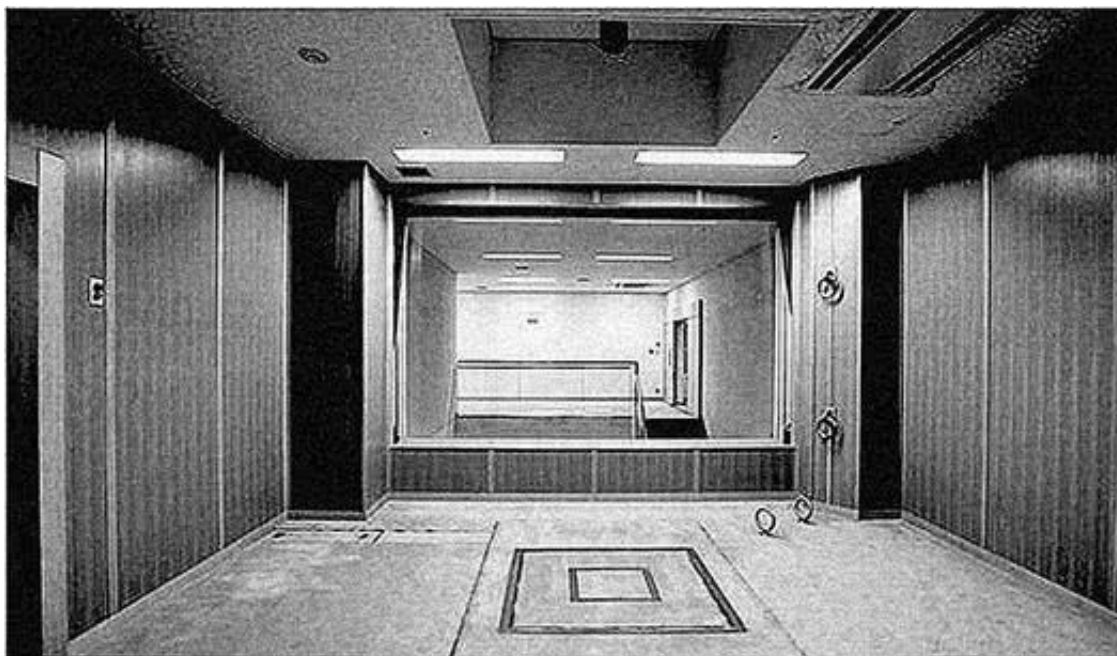
© James Martisano, cover design, 2019

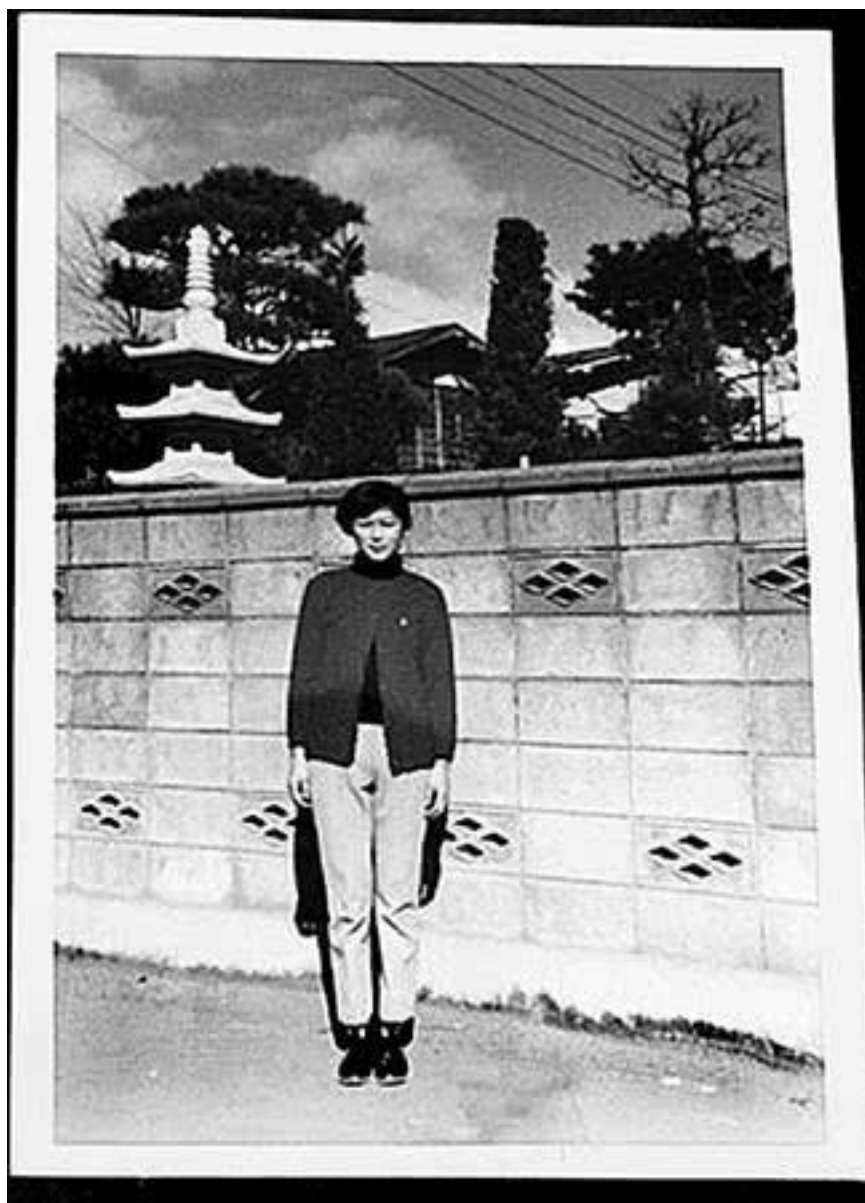
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается К. Абэ и С. Эндо

Нижеследующее художественное произведение частично основано на реальных фактах.

Вводные материалы

Странная вещь произошла со мной, со мной и с женщиной, с которой я жил. Мы были в зените отрадной жизни. Глядя вперед, я видел: мир светел и прекрасен, и это навсегда. Я расстался с кучей страхов, забот и тревог. Появилось чувство, что очень многие проблемы отпали. Мы жили с нашей дочкой, в отдельном доме, уже несколько лет были женаты, и жизнь была такой радостной и яркой, что даже не могу вам о ней рассказать. Я-то могу что-нибудь рассказать, но вы ведь не знаете... или это я не знаю, как рассказать о ней достоверно. Перед домом у нас был сад с высокими воротами, обнесенный живой изгородью со всех сторон. Мы усаживались в саду, и времени хватало на все, на все что угодно. Как бы мне хотелось, чтобы вы догадались, как это было возможно, чтобы вы, как бывает спозаранку, ощутили прикосновение света к своим закрытым векам.

Однако что-то произошло, что-то, чего я не предвидел. Она замолчала, просто потеряла желание разговаривать, и эта жизнь подошла к концу. Я цеплялся за эту жизнь, хотя ее уже не было, хватался за все, что помогло бы мне понять молчание, понять, каким человеком надо быть и какие причины иметь, чтобы отгородиться молчанием. Но все уже было кончено. Мне пришлось начинать с чистого листа, и начало это состояло в том, чтобы попробовать понять, что же произошло. А это, конечно, была задача не из легких. Никто не может просто рассказать тебе, чего конкретно ты не понимаешь, в таком странном случае – определенно никто не сможет.

И я двинулся по следам всех похожих случаев. Куда-то ездил, с кем-то разговаривал; снова и снова обнаруживал, что топчусь на месте. Хотел узнать, как избежать непредсказуемых бед, которые надвигаются. Глупо, конечно. Их невозможно избежать. Они по своей природе неизбежны. Но во время поисков мне стало известно о проблеме Оды Сотацу. И вот результат – книга, которую вы сейчас держите в руках. Я рад представить ее вам и надеюсь, что от нее будет хоть какая-то польза.

+

В одной деревне в окрестностях города Сакаи в префектуре Осака произошел инцидент. Я называю это инцидентом ввиду его крайнего своеобразия. В то же время, как вы увидите, некоторые элементы инцидента делают его общим явлением для всех нас, породненных тем, что все мы люди и живем на свете. Прочитав об инциденте спустя много лет после того, как он произошел, я отправился на место – выяснить побольше, все, что сумею, докопаться до всей правды.

Основные действующие лица в большинстве своем были еще живы, и я, интервьюируя их одного за другим, собрал материалы, благодаря которым теперь могу поведать эту историю. Имена лиц, участвовавших в событиях, изменены, чтобы соблюсти право на неприкосновенность частной жизни их самих, их близких и потомков. Даты событий, а также конкретное время действия тоже изменены, чтобы надежнее уберечь эту неприкосновенность.

++

На последующих страницах я, возможно, иногда буду называть себя “Инт.” или “Интервьюер”, либо вставлять какие-то свои пояснения, чтобы пролить свет на те или иные обстоятельства. Однако большая часть текста этой книги – это фрагменты интервью, записанных на пленочный диктофон. В книге четыре описания событий: первое исходит от нескольких

человек, имевших отношение к (2) Оде Сотацу, в том числе от его родственников и сотрудников городской (города Сакаи) и местной полиции; второе – от меня: описание моих поисков Дзито Дзоо; третье – от (3) Дзито Дзоо; а четвертое – от (1) Сато Какудзо.

Первое и второе описания вынужденно облечены в форму повествования, информация в них увязывается воедино и порой излагается в беллетризованном виде (хотя я и старался указывать ее источники). Последние два описания по большей части не нуждаются в этом приеме, представляющем собой слабое место моего труда, так как необработанные материалы уже отвечали моей задаче.

Джесси Болл, Чикаго, 2012

1. Положение Оды Сотацу

История рассказывается в первый раз

В октябре 1977 года Ода Сотацу был молод. Ему шел двадцать девятый год. Он служил в конторе, во внешнеторговой фирме своего дяди. В основном они продавали за границу нитки. А чтобы это делать, еще и скупали нитки. Для Сотацу все в основном сводилось к закупке и продаже ниток. Это ему не особенно нравилось, но он работал и не ворчал. Жил один, у него не было ни девушки, ни домашних животных. Образование у него было среднее, круг знакомых – узкий. Похоже, люди были о нем хорошего мнения. Он любил джаз, у него был свой проигрыватель. Одевался просто и неярко, питался преимущественно дома. Чем неравнодушнее он относился к какой-то теме, тем меньше была вероятность, что он ввяжется в спор о ней. Многие люди знали его и жили бок о бок с ним, рядом с ним, – но мало кто мог бы сказать, что понимает, какой он на самом деле. Люди и не подозревали, что на самом деле он не никто. Казалось, он был только своим распорядком дня: тихой неизменной рутинной, работа – сон – работа.

История Оды Сотацу начинается с признания, которое он подписал.

Он стал водиться с парнем, которого звали Какудзо, и девушкой, которую звали Дзито Дзоо. Эти двое были в общем-то оторви да брось, особенно Сато Какудзо. Он влипал во всякие истории или когда-то давно влип в одну. Об этом все знали.

И вот что произошло: Какудзо каким-то образом познакомился с Одой Сотацу и каким-то образом уговорил его подписать признание в совершении преступления, которого тот не совершал.

Странно, что он подписал признание в преступлении, которого не совершал. Верится с трудом. Но он действительно подписал признание. Узнав об этих событиях, собрав материалы, я обнаружил, что у его поступка была причина и вот какая – он поступил так поневоле, потому что заключил пари.

Существовало несколько версий того, как прошел тот вечер. Первая – версия, описанная в газетах. Другая – версия со слов родственников Оды Сотацу. Но была и третья – версия, которой придерживался Сато Какудзо. Эта, последняя версия убедительнее прочих, потому что Какудзо записал происходившее на диктофон и ознакомил с записью меня. Я переслушивал ее много раз и каждый раз слышу на ней что-то, чего не расслышал раньше. Складывается впечатление, что жизнь, реальную жизнь можно изучать по ее симулякрам, ведь факт тот, что реальная жизнь постоянно обманывает нас и откровенничает с нами, причем в этом она последовательна.

Я расскажу вам о событиях того вечера.

Пари

Когда я слушал запись, мне иногда было трудно разобрать фразы. Гремела музыка. Вечер тянулся, собеседники выпивали, тараторили. В общем, обстановка типичная для бара. Кто-то (Дзоо) раз за разом встает из-за стола, уходит, возвращается, громко скрежещет ножками стула по деревянному полу. Минут сорок они ведут бессвязный разговор, а потом добираются до вопроса пари.

Какудзо подводил к нему потихоньку. Говорил гладко, живописал что-то вроде объединения их, всех троих, чувства товарищества. Изображал своим поведением, будто им всем обрыдла жизнь. Они с Дзоо, сказал он, кое-что проделывали, пытаясь прогнать это ощущение. В том числе заключали пари – на то, какая карта выпадет, такая у них была собственная игра, у них вдвоем. Сказал, что, когда проигрывал, резал себя ножом. Или Дзоо – себя, если проигрывала она. Сказал, что от этого они перешли к кое-чему другому, стали принуждать друг друга что-нибудь делать, чтобы снова почувствовать себя живыми. Но все это вращалось вокруг пари: подстроить так, чтобы жизнь повисла на волоске. Не кажется ли Сотацу, что это завлекательно? Не тянет ли его, хоть немножечко, попробовать самому?

Весь вечер они на него наседали, Дзоо и Какудзо, и в конце концов уговорили. Собственно, потому его и выбрали – решили, что он из тех, кого, наверно, удастся уговорить, кого можно уговорить сделать такое. И действительно, так и вышло: они сумели втянуть его в свою игру.

Он и Какудзо заключили пари. Пари состояло в том, что проигравший, кто бы он ни был, подпишет признание. Какудзо принес признание с собой. Положил его на стол. Проигравший подпишет это, а Дзоо отнесет в полицейский участок. Все, что человеку дано перечувствовать за всю жизнь, будет сконцентрировано в единственном мгновении, когда пари состоится в реальности и вся жизнь человека будет зависеть от того, какая выпадет карта. Колоду карт Какудзо тоже принес, она лежала на столе рядом с признанием.

Музыка в баре была громкая. Жизнь у Оды Сотацу была трудная и до сих пор не дала ему того, на что он надеялся. Он питал симпатию и уважение и к Какудзо, и к Дзоо, а они оба только и думали, что о нем – о нем и о том, что он подпишет признание.

Вот чем все обернулось: Ода Сотацу заключил пари с Сато Какудзо. Пари проиграл. Взял авторучку и подписал признание, лежавшее перед ним на столе. Дзоо забрала признание, Какудзо и она ушли из бара. Ода пошел домой, в свою маленькую квартиру. Сомкнул ли он глаза в ту ночь, нам неизвестно.

По словам его квартирной хозяйки, на следующее утро

в доме, где жил Ода Сотацу, всех разбудил энергичный стук в дверь квартиры Оды Сотацу. Он не торопился подойти к двери, и тогда ее выбили. Он не торопился лечь на пол, и тогда его на пол повалили. В наручниках, совершенно измученного, его вывели и препроводили к фургону. Очевидец, с которым я разговаривал, сказал, что он не сопротивлялся, не кричал: “Я невиновен”. Он просто тихо подчинялся. Квартирная хозяйка вспоминает, что он был без куртки.

Дочь квартирной хозяйки Оды

поведала мне:

– Вы ничего не сможете узнать про Оду, если не узнаете, какой он был добрый, не узнаете, что доброта, которая в нем была, которой он сам и был, пронизывала каждую клеточку его тела. Она была не в мыслях, не в решениях. Он просто был добрый и много раз поступал по-людски. Приведу вам пример... я была еще маленькая, но мать... мать мне рассказывала, что, когда соседка сверху, старуха, а Ода был молодой, года двадцать два-двадцать три, наверно, эта старуха заказала мебель с доставкой. Мебель была слишком широкая – не проходила в двери и застряла в дверях, по вине грузчиков, как-то так. Час был уже поздний. Рабочий день закончился. Утром грузчики должны были вернуться. Но старуха – она же не могла ни войти, ни выйти. Вся разволновалась. Стояла у двери, пытаясь выглянуть в узкие щелки, которые оставались в проеме. Безудержно говорила что-то, чего только не говорила, но грузчики уже ушли. Итак, Ода – что делает Ода? Он идет наверх с фонариком, усаживается у двери со своей стороны и всю ночь разговаривает со старухой, не отлучается до самого утра. А знаете, она, думаю, даже была ему несимпатична. Просто он был такой. Добрый мальчик. Вообще-то та старуха всем была скорее несимпатична.

От интервьюера

Я пытаюсь поведать вам о трагедии. Я пытаюсь сделать это таким образом, чтобы как можно меньше навредить участникам событий – тем, кто остался жив после этой трагедии, но также был ее движущей силой.

Ода Сотаци подписал признание. Может быть, он нечетко понимал, что делает. А может быть, и понимал. В любом случае, подпись свою поставил. На следующий день, в субботу, пятнадцатого числа, его выволокли из дома и засадили за решетку. Поскольку документ – признание – носил исчерпывающий характер, никаких сомнений в виновности Оды никогда не возникало. Судебный процесс, когда он наконец начался, завершился быстро, а Ода Сотаци, пока процесс длился, едва ли что-то предпринимал – собственно, определенно ничего не предпринимал – в защиту своих интересов. Полиция добивалась – в то время как он находился под стражей в полицейском участке, ожидая суда, и в то время, когда, уже после суда, он находился в камере смертников – развязать ему язык, чтобы он рассказал о своих преступлениях. Он не заговорил. Сделал из своего молчания шатер, спрятался внутри и даже носу не высовывал.

В последующие месяцы Дзоо много раз навещала Оду. С Какудзо он больше никогда не виделся.

Нашу повесть продолжает информация, полученная мной от полицейских, тюремных надзирателей, священнослужителей, журналистов (присутствовавших при событиях в те годы) и родственников Оды. Именно так рассказывается история Оды Сотаци.

Семь месяцев заточения

В ожидании суда

Допрос 1

15 октября 1977 года. Ода Сотацу задержан по подозрению в причастности к Исчезновениям в Нарито. Таковое подозрение проистекает из признания, подписанного г-ном Одой и переданного в полицию неким анонимным лицом. Допрос проводится в помещении местного полицейского участка. Инспектор Нагано и еще один инспектор (имя не указано).

[От инт. Расшифровка аудиозаписи допроса, возможно, содержит измененные фразы или сделана небрежно. Оригинал аудиозаписи я не слышал.]

≡

1-й полицейский: Господин Ода, могу предположить, что вам известно, почему вы здесь. Предполагаю, вам известно, почему мы потрудились привезти вас сюда, предполагаю, вам известно, какая кара полагается за то, что нам дают ложные показания.

2-й полицейский: Господин Ода, если у вас есть любая информация о местонахождении лиц, упомянутых в вашем признании, или если вам известно, что кто-либо из них еще жив, немедленно сообщите это нам. Это может сильно помочь вашему делу – такая информация может помочь.

1-й полицейский: Мы прочитали ваше признание. Мы очень заинтересованы как можно скорее получить про него побольше информации.

ода (*молчит*).

1-й полицейский: Господин Ода, вы в незавидном положении. Могу вас заверить: если вас признают виновным, то почти наверняка отправят в камеру казней в тюрьме Х. и повесят. Если кто-либо из лиц, упомянутых в вашем признании, еще жив и вы поможете нам отыскать их, это может вам помочь. Это может все изменить. Вы сможете спасти себе жизнь.

ода (*молчит*).

2-й полицейский: Если вы думаете, что молчание вам чем-то поможет. Если вы так думаете.

1-й полицейский: Если вы так думаете, то вы совсем ничего про все это не знаете.

2-й полицейский: Может быть, вы докатились до такого, потому что ступили на неверный путь. Может быть, вы думаете, что знаете выход. Но вы ничего не знаете. Выход один – он в том, чтобы нам помочь.

1-й полицейский: Скажите нам, где эти лица. Для вас это правильный ход. Для вас это выход.

2-й полицейский: Не на свободу.

(*Полицейские смеются.*)

1-й полицейский: Нет, просто выход – способ увильнуть от камеры казней.

2-й полицейский: И не только от нее, но даже теперь. Даже теперь все может обстоять лучше, чем сегодня. Все необязательно должно быть так, как обстоит сегодня. В тюрьме, вы уж поверьте, есть камеры получше вашей. Есть еда получше той, которой будут кормить вас. Есть даже... хотя об этом мне упоминать не положено... но можно устроить, чтобы вас пере-

вели от нас в обычную тюрьму. Там все по-другому. Может, она вам лучше подойдет? Там даже надзиратели не такие. Не везде все одинаково. Вы можете улучшить свое положение – вот про что мы говорим.

1-й полицейский: Мы вам не враги. Вам вообще никто не враг. Мы все просто работаем сообща. Мы все сотрудничаем. Сейчас мы с инспектором Нагано уйдем из вашей камеры. Я хочу, чтобы завтра, когда мы снова придем, вы нашли, что нам сказать. Понимаете?

Интервью 1 (Мать)

[От инт. Когда я приехал в деревню спустя много лет, мне удалось взять серию интервью у членов семьи Ода. Вступить с ними в контакт было непросто, но, как я вам уже сообщил, у меня были свои резоны для усердных стараний. Раньше я приезжал в Японию лишь ненадолго, и теперь многое оказалось мне внове. Было чудесное ощущение, что ты открыт миру: все как бы расширялось и усиливалось, становилось крупнее и отчетливее; так в облачную погоду освещение иногда меняется, становится светлее, даже когда солнце не озаряет тебя прямыми лучами. Несколько отрывков из интервью я включил в этот текст, чтобы отразить, как менялся характер заточения Оды Сотацу. Я все разъясню скрупулезно, деталь за деталью, знакомя вас с доказательствами в той же форме, в которой они были мной получены. Дом, где я брал интервью, представлял собой съемное жилье в усадьбе, известной тем, что в определенные сезоны там полно бабочек. Когда я приехал, а также в те дни, когда я начал брать интервью, бабочек было не видеть. Однако когда мы сидели в доме в комнате окнами на север, которую часто выбирала для интервью мать Сотацу, та говорила, что бывала в этом доме при других обстоятельствах и видела бабочек. И тогда я словно бы увидел их, а впоследствии, когда они появились на самом деле, все было именно так, как она рассказывала. Я упоминаю об этом только для того, чтобы создать впечатление, что она заслуживает доверия, пусть даже тема насекомых и тема признания ее сына, очевидно, вообще-то не схожи между собой, пусть это вообще-то разные темы. И все же ощущение правдивости сохранялось, потому я и даю это пояснение.]

[Это выдержки из длинных бесед, так что какие-то фразы могут отсылать к другим, прозвучавшим раньше, или начинаться на середине мысли, когда что-то важное уже частично высказано.]

инт.: Г-жа Ода, вы говорили о том первом дне, когда вам позвонили официальные лица и вы пошли на свидание к Сотацу.

г-жа ода: На самом деле в тот день мы не пошли. Ни я, ни мой муж. Никто из моих детей.

инт.: Почему?

г-жа ода: Муж запретил. Он пришел в ужас, когда узнал. Сидел дома, без света, часами просто смотрел в пустоту. А когда вышел к нам, сказал, что мы не пойдем на свидание к Сотацу. Сказал, что не знает никого, кого бы так звали, и спросил, знаю ли я такого.

инт.: А вы что сказали?

г-жа ода: Я сказала, что не знаю. Не знаю никого, кого бы так звали. Он сказал, что ему прискорбно слышать про эту путаницу, мол, полиция думает, будто мы знаем подобных людей, но мы их не знаем. Я хотела пойти, конечно. Конечно, я хотела пойти. Но он очень четко разъяснил, как все должно быть.

инт.: А ваши остальные дети?

г-жа ода: В то время они не жили с нами, а я им ничего не сообщала.

инт.: И что же изменилось? Почему вы пошли на свидание к Сотацу?

г-жа ода: Когда утром я проснулась, мой муж был в одежде, в которой я его никогда не видела, – в старом костюме, довольно чопорном. Он сказал, что, возможно, все вышло по его вине и мы должны увидаться с нашим сыном Сотацу. Я сказала ему: да, я тоже думаю, что мы должны это сделать. Он сказал, что это несущественно – несущественно, что именно мы должны делать, но мы это сделаем. И тогда мы вышли, сели в машину и поехали в тюрьму.

инт.: И что вы там увидели?

г-жа ода: Полицейские старались не смотреть на нас. Во время того свидания или любого другого свидания никто, как мне кажется, не смотрел нам в глаза. Им хотелось притвориться, что нас не существует. Я это понимаю, кстати, я понимаю, каково им. Та еще работа – ты за решеткой. Наверно, хорошо, что кто-то по доброй воле вызывается там работать.

инт.: Он сидел далеко от входа в полицейский участок?

г-жа ода: Его переводили из камеры в камеру. Он не всегда был на одном и том же месте. Может, из-за взысканий? Его часто наказывали, его отец одобрял это. Когда я сказала, что мне кажется, как-то этого многовато, господин Ода сказал мне, что на самом деле нет, это еще мало. Я не очень много знаю о таких вещах. Если вы поговорите с мужем, он, может быть, вспомнит побольше или припомнит, что раньше знал больше.

инт.: Но само свидание? Вы поговорили с ним?

г-жа ода: Говорили мы. А он – нет. Сначала он был в маленькой камере. В ней вообще ничего не было, только сливное отверстие. Думаю, они хотели, чтобы он заговорил, но он отказывался. В тюремной одежде он казался каким-то крошечным. Как неприятно мне было смотреть на эту одежду. Теперь мне обо всем этом думать неприятно.

инт.: Простите, но не могли бы вы просто припомнить, что вы ему сказали?

г-жа ода: По-моему, я ему ничего не сказала. Боялась – скажу что-то не то, и тогда господин Ода сделает так, чтобы мы больше никогда не ходили на свидания, и потому я держалась тихо. Хотела посмотреть, как он скажет то, что требовалось сказать. Он сказал: “Сын, ты это сделал? Они говорят, ты сделал это и так и сказал, говорят, ты сказал, что это сделал. Ты это сделал?” А Сотацу ничего не сказал. Но посмотрел на нас.

Исчезновения в Нарито

[От инт. Мне кажется, пора сказать несколько слов об Исчезновениях в Нарито. Позвольте мне ненадолго прервать повествование, чтобы внести ясность. Именно в этом преступлении сознался Ода Сотацу. Я лично думаю, что он, подписывая признание, почему-то не отдавал себе отчет, что преступление уже совершено.]

Исчезновения в Нарито происходили в деревнях в окрестностях Сакаи в 1977 году. Они начались примерно в июне и продолжались вплоть до поимки Оды Сотацу. Газеты отслеживали эту историю с ненасытным вниманием, ею заинтересовалась общенациональная пресса, а кульминацией стала буря вокруг ареста Оды Сотацу. В чем же состояло это дело?

Исчезло восемь человек, каждый месяц исчезало в среднем двое. Следы борьбы отсутствовали; но, очевидно, исчезновения происходили внезапно (на столе – еда, ничего из личных вещей не пропало и т. п.). Все исчезнувшие, как мужчины, так и женщины, были люди немолодые или очень немолодые, разного возраста – от пятидесяти до семидесяти лет, каждый из исчезнувших, без исключения, проживал один. На дверях жилищ были обнаружены игральные карты, по одной штуке в каждом жилище. На картах не имелось отпечатков пальцев – вообще никаких. Никто не видел, как кто-либо из исчезнувших покинул свой дом. Это была поразительная загадка, головоломная, и, когда черед исчезновений продолжилась, вся округа

впала в шок. Были даже организованы патрули, чтобы навещать на дому тех, кто овдовел или жил на отшибе. Но патрули ни разу не оказывались в нужный момент в нужном месте.

Допрос 2

16 октября 1977 года. Ода Сотацу. Имена инспекторов не указаны.

[От инт.: Эта расшифровка аудиозаписи допроса, возможно, тоже содержит измененные фразы или сделана небрежно. Оригинал аудиозаписи я не слышал.]

≡

1-й полицейский: Господин Ода, теперь, когда вы поспали, у вас, наверно, настроение уже не такое, как вчера?

ода (молчит).

2-й полицейский: Невозможно устроить, чтобы вам... чтобы ваше положение улучшилось, если вы вообще не будете ничего говорить. Вы подписали признание. Вы не хотите, чтобы у вас был адвокат или какой-то представитель. Вы сами знаете, что совершили. Нас волнует необходимость отыскать упомянутых лиц, тех, кто упоминается в вашем признании.

ода: Можно ли мне его посмотреть? Я хотел бы посмотреть признание.

2-й полицейский: Это невозможно. Вы не можете посмотреть признание. Вы признание написали. Вы знаете, что в нем. Это не игра. Скажите нам, где искать. Куда вы отправились с этими людьми? Господин Ода, у нас кончается терпение.

1-й полицейский: Вам нельзя посмотреть признание. Инспектор прав. В этом нет ни малейшей необходимости, обойдетесь и так. Конечно, может быть, если вы нам поможете, тогда, может быть, произойдет много того, без чего можно обойтись и так. Мы уже говорили: питание получше, камера побольше, другое учреждение. Пожалуй, даже это. Я не говорю “да”, ничего такого. Такого я не говорю. Но расскажите нам об этом, и мы посмотрим, что удастся устроить.

2-й полицейский: Это затрагивает вас. Все в ваших руках.

(На пленке – еще сорок минут молчания, в течение которых следователи и Ода смотрят друг на друга. Наконец – звук закрывающейся двери, щелчок, которым обрывается запись.)

Интервью 2 (Брат)

[От инт. Это интервью тоже проводилось в вышеупомянутом доме. Брат Сотацу, Дзиро, был его самым преданным защитником. Собственно, он узнал о случившемся еще раньше, чем родители, и сунулся было в полицейский участок. Однако его не пустили, а почему – неизвестно. Возможно, он пришел туда еще до того, как Оду подвергли первому допросу. Неясно. Я расспрашивал его очень дотошно. Из всей семьи он наиболее горячо возмущался случившимся. В молодости он работал на сталелитейном заводе – именно там работал и в 1977-м. Позднее стал активистом профсоюзного движения. Когда я с ним познакомился, он носил элегантную одежду и ездил на дорогом автомобиле. О его личных привычках я могу сказать, что за время каждого нашего разговора он выкуривал чуть ли не пачку сигарет. Не знаю, было ли это для него нормой или его нервировали мое присутствие и тема наших бесед. На несколько интервью он приезжал с детьми: оба ребенка были маленькие, играли во дворе, пока мы разговаривали. Хотя со мной он был очень сух, иногда даже враждебен, с ними он говорил чрезвычайно ласково. В свое время я занимался дзюдо, как и Дзиро; однажды он меня прервал, неожиданно-негаданно, чтобы спросить, не занимался ли я когда-то дзюдо. До того момента

я ни словом не упоминал о дзюдо. Когда я ответил утвердительно, он рассмеялся. Я это всегда определяю, сказал он. У дзюдоистов немножко другая походка. Хотя это, возможно, заронило во мне симпатию к нему, заверяю вас, что все время старался быть по возможности беспристрастным.]

инт.: Это было девятнадцатого октября?

дзиро: Да, возможно. Не знаю.

инт.: Но в полицейском участке вы были впервые?

дзиро: Вообще-то нет, я туда уже как-то раз ходил, насчет одного друга из заводских. Ходил к нему на свидание, сопровождал его жену на свидание. Кажется, он подрался, и его забрали в полицию.

инт.: Вашего друга?

дзиро: Да, за несколько лет до тех событий.

инт.: Но на этот раз...

дзиро: Я повидал Сотацу. Полицейские меня обыскали. Я подписал какие-то бумаги, показал какие-то документы, и меня выпустили. Его камера была на задах. Он сидел там один, в длинной камере без единого окна.

инт.: Полицейские оставили вас наедине для разговора?

дзиро: Нет. Один полицейский оставался неподалеку, так, чтобы слышать. Когда Сотацу меня увидел, он подошел к порогу камеры, и мы друг на друга посмотрели.

инт.: Как он выглядел?

дзиро: Ужасно. Он сидел в тюрьме. Как он, по-вашему, должен был выглядеть?

инт.: Что вы ему сказали?

дзиро: Ничего я не говорил. Я туда не говорить пришел. Просто хотел его увидеть и хотел, чтоб он знал, что я о нем думаю. Не знаю, хотел ли я что-то от него услышать. Не знаю, что такого мог бы он сказать, такого, что стоило бы услышать.

инт.: О деле вы читали в газетах?

дзиро: Да, газеты только о нем и толковали. Оно длилось уже несколько месяцев – сплошные исчезновения. А потом пошел сплошной Сотацу. Он признался во всем, даже в тех эпизодах, о которых газеты ничего не знали. Вот что убедило полицию. Они думали, что исчезновений было восемь, но он сознался в одиннадцати, остальные три прошли совершенно незамеченными. Когда полиция выехала проверить, как там эти люди, их тоже уже не было.

инт.: И вы не спросили его об этом?

дзиро: Я же только что сказал. Я повидал его и ушел.

инт.: И у вас были другие такие свидания?

дзиро: Я приходил каждый день. Иногда меня пускали. Иногда – нет. Когда пускали, все всегда было одинаково. Я подходил к решетке с одной стороны, он – с другой. Никто из нас ничего не говорил. Я слышал, там была комната, где арестанты принимали посетителей. Я этой комнаты никогда не видал.

Допрос 3

19 октября 1977 года. Ода Сотацу. Имя инспектора не указано.

[От инт. Расшифровка аудиозаписи допроса тоже, возможно, содержит измененные фразы или сделана небрежно. Оригинал аудиозаписи я не слышал.]

3-й полицейский: Господин Ода, я был проинформирован о вашем деле инспектором, который занимался вами раньше. Он объявил вас неподдающимся. По его мнению, вас нужно просто прогнать сквозь систему. “Спустить из системы в канализацию”. Именно такими словами и сказал. Не считите за вульгарность, но вы понимаете, что я имею в виду. Вы здесь зарабатываете себе специфическую репутацию. Сейчас я вам кое-что объясню. В следственном изоляторе и в тюрьме, даже здесь, в полицейском участке, в таком маленьком полицейском участке ты становишься тем, кто ты есть, потому что то, кто ты такой, определяют по кое-каким твоим поступкам. Понимаете? Я служил в армии, учился на курсах, прошел обучение, потом пошел служить в органы, и проявил усердие, и дорос до инспектора. Вот кто я есть. Мои поступки сделали меня тем, кто я есть. Вы – с другой стороны. Вы совершили преступление. Вот почему вы здесь. Вы – арестованный, вот вы кто. Вот кто вы такой. Однако то, кто вы есть, не предопределяет, какое с вами будет обращение, а если и предопределяет, то не так, как вы можете предположить. Обращение с вами здесь предопределяется вашим поведением и репутацией, которую вы наживаете своим поведением. Вот вам моя репутация – с теми, с кем я разговариваю, я обхожусь по-хорошему. И тогда со мной разговаривает все больше людей, и тогда все больше людей узнает, что со мной полезно разговаривать. Вот моя репутация. Здесь есть арестованные, с которыми обращение просто превосходное. Некоторые по своим деяниям хуже других, а обходятся с ними лучше, чем с другими. А почему так, знаете?

ода (молчит).

3-й полицейский: Потому что они научились себя вести, и создавать себе определенную репутацию, и не маяться дурыю. Вы создаете себе репутацию. Вы это понимаете?

ода (молчит).

3-й полицейский: Есть причина, по которой вы спите в бетонной камере без койки, сутки за сутками. Есть причина, по которой вам приносят еду, которой побрезговали все остальные. Не всех арестованных обливают из шланга. Понимаете, куда я клоню? Эти полицейские – люди из хороших семей. Они выросли в вашем городе. Возможно, вы даже с ними знакомы. У них есть дети. Они хорошо обходятся с людьми. Но, увидев вас, они думают: вот зверь. Вот человек, который не желает иметь ничего общего с родом человеческим, никоим образом не желает быть частью нашего общества.

(Полицейский набирает в грудь воздуха, делает паузу.)

3-й полицейский: Мы вот чего хотим – чтоб вы рассказали нам побольше. В признании недостаточно информации. Ее совсем мало. Документ почти бесполезный, за исключением того, что касается вас. В том, что касается вас, документ, вероятно, будет вашей погибелью. Но для других он бесполезен. Нам требуется, чтобы вы рассказали нам все остальное. Расскажите нам все остальное, и мы сможем вам помочь. Когда я пришел сюда сегодня и мне сказали, что я должен с вами поговорить, я уже имел о вас какое-то представление. Про вас говорили. А еще газеты. Там печатают всякие статьи. Много всего про вас. Итак, я заранее представлял себе, каким вы окажетесь. Но вы не такой. Мне вы кажется нормальным парнем, который влип в плохую историю. У вас такой вид, словно вам, возможно, нужно с кем-то поговорить. Словно все это, вероятно, можно как-то объяснить. Я – тот человек, с кем вы хотите поговорить. Подумайте об этом.

(Диктофон отключается.)

Интервью 3 (Мать)

[От инт. В тот раз госпожа Ода принесла с собой игрушку, которая когда-то принадлежала Сотацу. Это была длинная палочка, покрашенная в голубой цвет, с красным колокольчиком на конце. Колокольчик имел форму цветка. Он не издавал никаких звуков, пояснила госпожа Ода. Вначале его дали брату Сотацу – подарили, а тот его немедленно сломал. Сотацу нашел сломанную игрушку и стал всюду носить ее с собой. Теперь это была его игрушка. Он даже уверял, что может расслышать звук колокольчика, хотя колокольчик не издавал никаких звуков. Однажды родные его разыграли – спрятали под своей одеждой крохотные колокольчики. Когда он взмахивал палочкой, кто-нибудь из членов семьи незаметно звонил в колокольчик. Это крайне обеспокоило и озадачило Сотацу, и родители – и отец, и мать – пожалели о проделке; так сказала госпожа Ода. Заодно это укрепило его убежденность в том, что колокольчик действительно звенит, и даже когда ему разъяснили розыгрыш, он не поверил.]

инт.: Ваше следующее свидание с Сотацу было через несколько недель?

г-жа ода: Через неделю. Я принесла ему одеяло, но передать не разрешили. Сказали, что у него есть все одеяла, которые ему нужны.

инт.: Ему выдали одеяла в тюрьме?

г-жа ода: Не думаю. Они вот что хотели сказать...

инт.: Что одеяло ему не полагается. Или что такие, как он, не должны...

г-жа ода: Думаю, так и было. Тем не менее мне разрешили постоять там, с одеялом в руках, попробовать с ним поговорить. Я сказала, что мы все думаем о нем, и попробовала кое-что, про что мне сказала подруга.

инт.: Что вы имеете в виду?

г-жа ода: Одна моя подруга, старше меня, я очень ценила ее мнения. Она сказала, чтобы я кое-что сделала, когда туда приду, и я это сделала. Я все досконально продумала и сделала. Вот что это было: я должна была рассказать ему о каком-то своем воспоминании, очень четко, просто говорить про это, чтобы все само собой переместилось туда, чтобы не было ни меня, ни черной минуты, которая тогда для нас наступила, чтобы все просто переместилось само собой в какой-то миг прошлого. И я вспомнила времена, о которых хорошо было бы поговорить, о которых, как мне показалось, я сумела бы...

инт.: Вы это подготовили заранее.

г-жа ода: Да, я обдумывала это так и сяк и пробовала рассказывать. А потом, когда пришла, рассказала все это ему.

инт.: Не хотите ли вы сейчас рассказать это так, как рассказывали тогда? Как вы думаете, вы сможете это припомнить?

г-жа ода: Да. Я помню. Вообще-то я рассказывала ему это несколько раз. Мне показалось, ему понравилось, вот я и рассказывала ему это, когда приходила, несколько раз.

инт.: А можете рассказать это сейчас?

г-жа ода: Могу. Дайте минутку, я соберусь с мыслями и расскажу.

инт.: Очень хорошо. Я могу прекратить запись, хотите?

г-жа ода: Всего на минутку.

[От инт. Тут я остановил запись примерно на пятнадцать минут, пока госпожа Ода припоминала свои слова. Принес ей с кухни стакан воды и нашел себе какое-то занятие в другой комнате. Когда я вернулся, она была уже готова.]

инт.: Диктофон включен.

Г-жа Ода: Я ему сказала, я сказала: когда тебе было четыре года, мы с твоим отцом подумали, что, пожалуй, поедem посмотреть разные водопады, что хорошо бы посмотреть все водопады, которые получится. И мы стали ездить к водопадам при каждой возможности. В том году мы посмотрели, по-моему, тридцать водопадов, в разных местах. У нас сложился свой обычай. Мы приезжали и вылезали из машины. Отец брал тебя на руки. Говорил тебе: “Это правильный водопад?”, а ты говорил: “Нет, это не тот. Это не тот”. Мы объездили всю округу. На самом деле водопадов больше, чем можно подуматъ. Когда он заговорил со мной об этой затее, я сказала: не знаю, много ли водопадов, к которым можно съездить, – но я ошибалась, их много. Тогда в машине нас было всего трое, ведь твои сестра и брат еще не родились. Мы катались только втроем. Ехали по узеньким дорогам, мимо полей и рисовых плантаций. Приходилось останавливаться, чтобы спрашивать дорогу у самых странных людей. Но, казалось, все понимали, чем мы заняты. Никогда не случалось, чтобы нам было трудно кому-то разъяснить. Мы собираемся посмотреть много водопадов. И человек говорил: дело хорошее, и прямо вон там есть еще один водопад, просто замечательный, очень даже стоит посмотреть. И мы ехали дальше по дороге и приезжали куда надо. Я выходила из машины, вытаскивала тебя. Ты шел к отцу. И тогда вы вдвоем, вы вдвоем шли к кромке воды. Отец наклонял ухо, прислушиваясь, а ты ему подражал. Фотоаппарата у нас не было, так что никаких снимков у меня не осталось. Но вы вдвоем слушали водопад довольно долго. Потом он брал тебя на руки и говорил: “Сынок, это правильный водопад?”, а ты отвечал: “Нет, это не тот. Это не тот”. Потом мы усаживались и съедали еду, которую брали с собой из дома. Еще немного смотрели на водопад и иногда разговаривали про то, что в нем особенного. Потом садились в машину и уезжали. Отец никогда не оглядывался на водопад, но ты, когда мы отъезжали, всегда оборачивался и пытался посмотреть на него сквозь боковое стекло или сквозь заднее стекло, чтобы увидеть водопад. И вот, наконец, когда мы несколько месяцев ездили то туда, то сюда, перевидали много-много водопадов, мы поехали к одному, который прозевали, к одному, который вообще-то был совсем недалеко от нашего дома. День был дождливый. Начинался он хорошо, с синего неба с красивыми белыми облаками, но, пока мы ехали, набежало много серых облаков, почти черных, с севера и с запада, они принесли с собой дожди всех сортов. Твой отец не хотел делать остановку в пути. Он совсем близко, этот водопад, сказал он, а у наших вылазок было правило – назад не поворачивать. В общем, мы приехали туда под дождем, но когда приехали, дождь перестал. Мы несколько минут посидели в машине, а потом вылезли. Водопад был очень маленький, один из самых маленьких, какие мы видели. Наверно, поэтому, когда мы пытались искать водопады, никто нам ничего про него не говорил. Но когда ты и отец послушали его какое-то время и когда он взял тебя на руки и спросил: “Сынок, это правильный водопад?”, ты заливисто засмеялся. Ты ничего не говорил, а только все смеялся и смеялся. И тогда он снова спросил тебя: “Это правильный водопад? Это он – правильный водопад?”, а ты сказал: “Да, это тот, который мы искали”. Позднее, когда родились твои сестра и брат и мы стали ездить на пикники всей семьей, мы часто туда ездили, но ничего не говорили о нашей экспедиции к водопадам, а ты, потому что тогда ты был совсем маленький, так ее и не припомнил. Ты не знал, почему мы всегда ездим к этому водопаду, ты не знал, что ты-то и выбрал его из всех водопадов, которые мы видели. В любом случае, мы не знали, почему он правильный, – мы с твоим отцом. Или, может быть, отец знает, но я не знаю.

(Г-жа Ода начинает плакать. Я протягиваю ей носовой платок. Она не берет.)

инт.: А он что-то сказал на это?

г-жа Ода: Он все это время смотрел на меня, сидя спиной к стене, смотрел на меня очень внимательно. Его взгляд изменился, пока я на него смотрела, вот я и поняла, что на него это подействовало, и потому я снова приходила и снова и снова рассказывала это. Я чувствовала, на него действует, и неважно, заговорит он со мной или нет.

От интервьюера

Надзиратели, с которыми я разговаривал, сказали, что Ода плохо приспособился к тюрьме. Конечно, надзирателям было несложно раздобыть газеты, вот они и читали про Оду и про случившееся, и относились к нему крайне предвзято из-за признания, которое он подписал: оно, казалось, неоспоримо доказывало его виновность. Это необычный нюанс, поскольку пресса не должна была иметь доступа к признанию. И действительно, к самому признанию она доступ не получила. Но, по всей видимости, на основе двух фактов – а) рассказов очевидцев про то, как Оду Сотаци выволакивали из дома; б) информации от анонимного источника, прочитавшейся в прессу, – газеты получили сведения, в которых нуждались для дальнейшего журналистского расследования, и тогда, возможно, полицейские предали информацию огласке. Неизвестно, как именно так вышло. Бесспорно лишь, что появилось много статей, в которых “Исчезновения в Нарито” связывали с Одой Сотаци из-за признания, скрепленного его собственной подписью.

В результате с Одой обращались сурово, особенно потому, что он не шел на сотрудничество. Его держали в изоляции от других арестантов, а полицейские, пытавшиеся выжать из него информацию, посещали его почти непрерывно, один за другим. Расшифровки допросов, к которым меня допустили, стали, как вам уже известно, составной частью моего повествования, но, подозреваю, это лишь самые мягкие из многочисленных допросов. Очевидно, перед допросами надзиратели часто не давали ему спать, надеясь пошатнуть его волю. И, однако, по имеющимся у нас расшифровкам складывается впечатление, что в данном случае их стратегия была неэффективна.

До того как ему были предъявлены обвинения, Ода Сотаци провел двадцать дней под стражей в полицейском участке. Затем, на время судебного процесса, его перевели в другое учреждение. Очевидно, это дело в целом рассматривалось в упрощенном порядке; вероятно, так было решено из-за колоссального внимания прессы, а также из-за наличия признания и ввиду отказа Оды контактировать с какими-либо потенциальными представителями, которых ему, по идее, полагалось иметь в суде.

Интервью 4 (Сестра)

[От инт. Когда я начал брать эту серию интервью, Ода Минако, сестра Сотаци, проживала не в этом городе – возможно, в Корее. И то, чем я занимался, она сочла настолько важным, что, услышав про меня от родственников, решила навестить в Японию на несколько дней, специально чтобы со мной поговорить. Эти интервью тоже проводились в доме, который я снимал. Это была привлекательная женщина, уже, разумеется, в годах, одетая с неброской изысканностью. Кажется, она получила прекрасное образование и в Корее преподавала в университете, а какой предмет, не припомню. Когда полиция схватила Сотаци, сестры не было в городе: она уехала учиться; ради свидания с Сотаци она вернулась из Токио. Она не могла припомнить в точности, какого числа это было и когда имела с ним свидания – раньше или позднее, чем другие члены семьи. В любом случае, она сказала, что благодаря своей дружбе в детские годы с одним из полицейских получила дозволение зайти в камеру и посидеть рядом с Сотаци; такое не разрешалось больше никому из членов семьи, о таком не упоминал ни один другой источник.]

инт.: Итак, вы находились там, сидели рядом с ним в камере. Вы, молодая женщина, которую в разгар работы над кандидатской диссертацией вызвали сюда, чтобы втянуть, должно быть, в самую абсурдную за всю вашу жизнь ситуацию.

минако: Я на него злилась. Он никогда не лгал, ни разу в жизни, и потому я была уверена, что признание правдиво. Я беспокоилась за тех, кто пропал без вести. Двоих я знала лично – переживала так, как не переживали остальные мои родные, и потому-то...

инт.: И потому для вас все было сложнее?

минако: Вы могли бы так сказать, но, полагаю, это для всех нас было не просто сложно, а чересчур сложно.

инт.: Разумеется, я не хотел сказать...

минако: Знаю и понимаю. Я просто хотела сказать, что в этой ситуации моя преданность, мой безотлагательный долг раздваивались. Я одновременно хотела помочь брату, человеку, которого очень любила, как никого больше за всю жизнь. Если честно, я его всем предпочитала: любила сильнее, чем Дзиро, мать или отца. У нас в семье только он читал книги по-настоящему, как и я, только он поощрял мое желание учиться. Он писал много стихов. Он был культурный человек, вот только не знаю, знал ли об этом кто-нибудь, кроме меня. По-моему, он никого в это не посвящал... Я хотела ему помочь, но в то же время я хотела найти тех двух пропавших – женщину, которая раньше учила меня играть на скрипке, и мужчину, синтоистского жреца, у которого я бывала в детстве. Я очень беспокоилась из-за того, что они пропали, и остро чувствовала вину за их исчезновение. Если я могу сделать что-то, чтобы им помочь, я должна это сделать – так я сказала себе.

инт.: И это побудило вас к определенной линии поведения?

минако: Человек не может сказать, как себя повел или почему повел себя именно так – по большому счету, этого человек не может. Такие ситуации – они же намного сложнее, чем любые дилеммы “или\или”. Подбирать события парами и подкладывать одно к другому, точно карты, – значит упрощать. Наверно, если вы играете в го или сёги, от такого способа может быть польза, но в жизни не так.

инт.: Но вы могли бы просто что-нибудь сделать, чтобы сделать его пребывание там чуть более сносным, сделать, не углубляясь в вопрос, виновен он или нет, либо – альтернативный вариант – попытаться расспросить его о преступлении.

минако: Я делала второе. Я сидела рядом с ним и говорила ему, что он мой брат, что я не разрываю с ним узы родства из-за того, что случилось, но мне надо узнать, можно ли помочь этим людям или...

инт.: Или?

минако: Или им уже ничем не поможешь.

инт.: А он говорил с вами?

минако: Нет. Смотрел на меня, когда я входила. Сидел рядом со мной. Держал меня за руку. Когда я уходила, мы обнимались. Но слов не было. Казалось, он стал бессловесным. Экспрессивность его поведения усилилась. Его действия больше не хватались за слова, как за подпорки. Все, что он хотел сказать, он говорил лицом. И глазами. И руками.

инт.: И что вам сказали лицо, глаза, руки? Как они говорили с вами?

минако: Сказали, что у него нет никакой надежды, ни капли. Что он дожидается, пока умрет, и чувствует, искренне чувствует, что ни в малейшей мере не принадлежит ни к одному сообществу людей, ни к нашему, ни к любому на свете.

инт.: Но он обнял вас.

минако: Я первая его обняла. Может быть, скорее по привычке, чем по какой-то другой причине. Или от скуки. Кто знает? Он уже долго просидел в камере.

инт.: Его молчание – были ли вы готовы к его молчанию, исходя из того, каким он был в детстве?

минако: Все зависит от контекста. Ни одна ситуация, в которой он оказывался в детстве, не имела ничего общего с той, в которой я с ним увиделась.

Интервью 5 (Брат)

[От инт. Дзиро, узнав, что Минако приезжала давать интервью, решил меня предостеречь. Сказал, что она всегда была настроена против Сотацу, что она упивалась престижем, который обеспечило семье его преступление (аргумент необычный, необычный и мне непонятный), что отчасти из-за ее вмешательства ход дела Сотацу изменился к худшему. Я принял эту информацию к сведению, но абсолютно никаких практических действий не предпринял.]

инт.: Итак, до того свидания, о котором вы только что начали рассказывать, вы навещали его раз пять или шесть, просто приходили и усаживались рядом?

дзиро: Как я уже говорил, я просто приходил и усаживался рядом. Я и не рассчитывал, что смогу сделать что-то, кроме этого. Я был совсем молод, ума не мог приложить, что ему сказать и вообще найдется ли, что в таком случае сказать.

инт.: Но потом вас прорвало.

дзиро: Да, меня прорвало, на восьмом или на девятом свидании.

инт.: Не могли бы вы рассказать, из-за каких событий это случилось?

дзиро: В этом городе нам стало плохо жить. С матерью никто не разговаривал. Мое общество терпели только мои самые закадычные друзья, но даже они – не прилюдно. Отец – а он всю жизнь был рыбаком – просто не мог сбыть свой улов. Его рыбу никто не покупал. А до белого каления все дошло, когда отец как-то забрел в магазин. Не знаю, что он хотел купить, но продавец отказался его обслуживать. Они заспорили, и спор выплеснулся на улицу. Кажется, дед продавца пропал вместе с остальными. Они стали кричать друг на друга. Меня там не было, обо всем, что случилось, я знаю только то, что другие люди рассказывают.

инт.: И что они рассказывают?

дзиро: Что отец отрицал вину Сотацу. Говорил, что Сотацу этого не делал. Просто повторял эти слова, снова и снова, и хотя вначале именно продавец вел себя агрессивно – отказался его обслуживать, выгнал из магазина, на улице уже мой отец проявил агрессию. Просто кричал на всех, наседали на людей – совершенно невиданное поведение. Он твердил и твердил: “Он этого не делал. Он этого не делал. Вы его с детства знаете. Вы его знаете. Он этого не делал”. Собралась толпа, все разозлились. Его кто-то ударил. Он упал. Другие тоже взялись его бить. Его избили, и многие топтали его ногами, пока не приехала полиция. Он сильно пострадал, его пришлось везти в больницу. И тогда-то дело обернулось плохо.

инт.: Как так?

дзиро: В больницу его не взяли. И его пришлось везти в другую больницу, и там его все-таки взяли.

инт.: Как могло случиться, что его не взяли в больницу?

дзиро: По-моему, главный врач тоже был в каком-то родстве с какой-то жертвой Исчезновений.

инт.: Итак, все это было перед свиданием, да?

дзиро: В тот день я пошел к Сотацу. Он ничего не знал обо всем этом и был такой же, как всегда, просто сидел в камере. Увидел меня, встал и подошел к решетке. Я посмотрел на него и подумал: могу ли я что-то разглядеть в нем, какую-то перемену, сделавшую его другим человеком, не таким, каким я его знаю? Я смотрел на него очень внимательно. Хотел разглядеть, кто передо мной. И это был не другой человек. Это был мой брат, Сотацу. Я знал его всю жизнь. Нелепо было думать, что он сделал такое. Он этого не делал. У меня внезапно появилась железная уверенность. Я сказал ему: “Брат, я знаю, ты этого не делал. Не знаю, откуда взялось это признание, но то, что в нем, – ложь. Я-то знаю”. И я взял его за руку, сквозь решетку.

инт.: Полицейские разрешили вам дотронуться до его руки?

дзиро: Не помню, что делали полицейские. Наблюдали, но не мешали нам. Не думаю, что они считали Сотацу хоть чуть-чуть опасным. Если бы вы его хоть раз увидели, вы бы не сочли его опасным, ни в малейшей мере.

инт.: И что он сказал – вы говорили, тогда он заговорил, – что он сказал?

дзиро: Он сказал: “Брат, я ничего не делал. Я этого не делал”.

инт.: А вы что сказали? Наверно, для вас это стало шоком.

дзиро: Шоком – нет. Именно этого я от него и ждал. Я сказал ему, что он этого не делал, потому что я верил, что он этого не делал, и тут он ответил, подтвердил мои слова. Все было совершенно ясно.

инт.: Но, должно быть, вы испытали определенное облегчение?

дзиро: Даже не знаю. Внезапно там, где раньше было пусто, выросла здоровенная гора, которую надо было покорять. Теперь встал вопрос, каким способом попробовать его вытащить. Раньше это были просто свидания, просто стоишь там – и все. В общем, я тут же включил мозги.

инт.: И вы ему что-то сказали?

дзиро: Я сказал, что ему надо добиться, чтобы пришел адвокат, и что ему надо подписать документ с отказом от признания. Я сказал, что если он согласен, пойду запишусь, чтобы пригласить адвоката. Но он заколебался. “Не знаю, – сказал он. – Не думаю, что это важно”. А я попытался убедить его, что да, важно, сам не знаю, что я ему наговорил, но, когда я уходил, он согласился поговорить с адвокатом и сказать адвокату то, что сказал мне. Я ушел и сразу же поехал в больницу, навестить отца. Мать была у него, и я им сказал. Мать прямо затряслась. Она не плакала, просто сидела и тряслась. Отец был почти весь забинтован и тому подобное. Он сделался словно каменный. Он сказал: “Почему он подписал признание, спроси его”. Я сказал, что не подумал его об этом спросить. Он сказал, что надо было подумать. Я извинился, что не подумал об этом. Он всегда был со мной очень суров, мой отец.

инт.: И тогда вы пошли записываться на визит адвоката?

дзиро: Да.

инт.: Вы сказали, что адвокат должен был прийти через три дня.

дзиро: После этого я снова пошел к брату. Это было, наверное, на следующий день. Мне надо было на работу, так что я пришел к нему поздно. Он, казалось, впервые обрадовался, что я пришел. Я у него спросил, почему он подписал признание. Если он этого не делал, зачем подписал? Он сказал, что об этом говорить не может. Я сказал, что придется. Он снова при молк. Я не смог из него выжать больше ничего. Простоял там минут сорок пять, надеялся, что он передумает и заговорит. Но нет. Я напомнил ему, что приду с адвокатом, и ушел.

инт.: Какого числа это было?

дзиро: Не помню какого. Столько времени прошло! Он отсидел уже недели две, никак не меньше. На следующий день я встал и поехал навестить отца, а от него на завод, к самому началу смены. У меня еще была надежда. Я думал, может, адвокат сумеет его убедить, чтоб он рассказал про это. Когда я приехал в больницу, отец уже шел на поправку. В тот день его

собирались выписать. Он сам мог ходить. Я сообщил ему новости – мол, я устроил, что придет адвокат, попробовал выяснить насчет признания. Он держался очень холодно.

инт.: Что он сказал?

дзиро: Со мной он всегда был очень холоден. Думаю, он никогда меня не любил. Но в этот раз он был очень суров. То, что с ним случилось... Может быть, на это он истратил что-то, что было у него внутри. И теперь этого чего-то в нем больше не было. Он сказал, что я дурак. Что я на побегушках у дурака и что я дурак. Пока он это высказывал, пришла сестра. Я даже не знал, что она здесь. Думал, она в Токио. Они оба талдычили, что Сотацу подписал признание и оно, должно быть, правдивое. Что я всегда верю людям, что я дурачок, что я должен препоручить дело тем, у кого побольше соображения. Сказали, ясно, что он совершил преступление, и теперь надо заставить его сознаться таким образом, чтобы он избежал казни. А это, другое, то, что он невиновен, – только фантазия, фантазия, которую я ему навязал. Когда я рассказал, как сказал Сотацу, что считаю его невинным и мои слова подтолкнули его сказать мне, что он невиновен, сестра рассердилась. Сказала мне, что я глупый – разгуливаю по городу, веду себя вот так, что я не должен ворошить осиное гнездо. Отец с ней согласился. Сказал, чтобы я ушел, что дома мы увидимся, а теперь ему хочется отдохнуть. Ближе к вечеру он собирается вернуться домой, но пока ему хочется отдохнуть. Я ушел вместе с сестрой, и она снова сказала мне, что я идиот, потому что причиняю отцу новые неприятности и беспокойство, а он и так попал в больницу, его избили, он был на грани смерти. Я попросил прощения. Я растерялся и... опять же... я так все время говорю, но я был очень молод и мало знал жизнь. Теперь, наверно, я поступил бы по-другому, но вообще-то моя сестра всегда оказывалась права. И отец тоже. Я не оправдал надежд их обоих.

(Конец записи.)

Интервью 6 (Брат)

[От инт. За день до этого брат ушел, не закончив интервью. Очевидно, обнаружил, что ему трудно говорить о своих отношениях с отцом и сестрой. Думаю, то, что он вообще решился открыть это мне, постороннему, хорошо показывает, как много значил для него Сотацу. Дзиро очень хотелось, чтобы люди узнали всю что ни на есть правду о тех событиях. У меня сложилось впечатление, что я был ему неприятен; точнее, я в этом почти стопроцентно уверен. Однако в то же время он не сомневался, что я сделаю все, как подобает. На профсоюзной работе он, должно быть, привык к компромиссам, привык идти на компромиссы и работать с неприятными ему людьми. И все же в таком состоянии ему было трудно поддерживать разговор, так что в тот день мы прервались, а на следующий день возобновили работу.]

инт.: Итак, из больницы, после встречи с сестрой вы поехали прямо в участок?

дзиро: Нет, я не мог; мне надо было на работу. Я поехал в участок после смены – наверно, в восемь часов вечера. Когда я туда приехал, то увидел, что оттуда выходит одна... Девушка, про которую я знал, что Сотацу с ней знаком.

инт.: Она была его девушкой?

дзиро: Не думаю. Но, по-моему, она его знала. И я предположил, что она приходила к нему на свидание, хотя меня это озадачило. Я думал, свидания разрешаются только родственникам. Очевидно, ее туда пустили, и пускали много раз. Один надзиратель сказал мне, что она приходила каждый день. Ее звали Дзито Дзоо.

инт.: Она с вами поздоровалась, проходя мимо?

дзиро: Она меня проигнорировала, и ничего удивительного. Мы не были друзьями, а меня тогда игнорировал весь город.

инт.: И что случилось, когда вы подошли к его камере?

дзиро: Адвокат был уже там, в участке. Он подошел к камере вместе со мной. Сотацу стоял спиной к нам; он сказал адвокату: уходите. Адвокат очень рассердился. Он очень занят. Знаю ли я, что у него буквально сотни дел? Знаю ли я, что у него нет времени на такие штучки? Я извинялся, как умел, и вышел вместе с адвокатом из участка, извиняясь перед ним до самой машины, пока он не уехал. Когда я вернулся в участок и надзиратели снова отвели меня к Сотацу, он не стал со мной разговаривать. Не оборачивался. Стоял посреди камеры, отвернувшись. Я был уверен, что это значит, что он невиновен. Но если он не хочет говорить, что невиновен, я просто не знаю, что делать. Я поехал домой, а моя девушка... она ждала меня у ворот. Сказала мне, что собрала свои вещи. Переезжает обратно к своим родителям. Больше не может со мной видеться.

инт.: Тяжелое было время.

дзиро: Да, можно и так сказать.

инт.: И после этого вы увиделись дома с матерью?

дзиро: Я к ним приехал, отец спал. Мать что-то стирала – рубашку или еще что-то. Стирала ее снова и снова. Рубашка давно уже отстиралась. Я стоял рядом и разговаривал с матерью, а она сказала, что отец принял решение и ничего не поделаешь. Какое решение, спросил я. Она сказала, что мы больше не будем говорить про всяких там Сотацу. Что теперь сын-первенец – это я, что никакого Сотацу нет и никогда не было. Она сказала, что моя сестра вернулась в Токио – единственный, помимо меня, ребенок моих родителей теперь в Токио, а вообще нас четверо, наша семья состоит из четырех человек. Я ничего на это не сказал. Просто ушел.

Допрос 4

2 ноября 1977 года. Ода Сотацу. Имена инспекторов не указаны.

[От инт. Эта расшифровка аудиозаписи допроса, возможно, тоже содержит измененные фразы или сделана небрежно. Оригинал аудиозаписи я не слышал. Вдобавок много допросов, по-видимому, пропало из архива, ведь было бы нелепо полагать, что с 19 октября по 2 ноября Сотацу вообще не допрашивали. Эта расшифровка длинная. Инспектор многословно обсуждает несколько разных тем, возможно, пытаясь таким образом добиться от Сотацу какой-то реакции. Ссылается на предыдущие разговоры между ними – незаписанные. Это дополнительно свидетельствует о том, что расшифровки допросов утаивались. Должен отметить, в те времена рассекречивать расшифровки было необязательно, так что уничтожение записей безрезультатных допросов теоретически не было противозаконным.]

3-й полицейский: Я хочу, чтобы вы рассказали мне об этих картах. О картах, которые вы оставляли на дверях. Зачем вы это делали?

ода (молчит).

3-й полицейский: В вашей биографии ничего даже не намекает, что вы хоть немного интересуетесь Францией, что вы хоть что-то знаете о Франции.

По части музыки – да, мы видим: у вас есть несколько пластинок. Но, помимо пластинок, карты... Неясно, где вы их вообще приобрели. Скажите мне хотя бы об этом. Где вы купили эти карты?

ода (молчит).

3-й полицейский: Я вот думаю. У меня есть дочь, ей такие штучки нравятся. Ветер в голове, ей бы только помечтать. Знаете таких. Слишком уж красива, себе на погибель. Знаю-знаю, отцу негоже говорить такие слова. Но мне кажется, лучше бы красоты у нее было поменьше, а ума побольше. Короче, она была бы страшно рада таким картам. Вот только не знаю, где их достать. Куда мне съездить за такими картами? Может, в Токио? У вас в Токио сестра, верно? Игральные карты ей нравятся? Она изучает языки, правда? Говорит по-немецки, по-корейски, по-английски. А по-французски она говорит, ваша сестра?

ода (молчит).

3-й полицейский: Может быть, я позвоню вашей сестре. Может, кого-нибудь откомандирую спросить у нее, говорит ли она по-французски. Или, может, вы избавите меня от этих хлопот. Может, просто сами мне скажете. Я поверю вам на слово.

(Диктофон отключается.)

Интервью 7 (Мать)

[От инт. Когда я завел речь о подробностях, которые сообщил Дзиро, – об избиении отца, возможном отказе Сотацу от признания, приезде сестры и прочих подробностях его версии, госпожа Ода очень разволновалась. Сказала, что Дзиро никому не желает добра, что он идет против всей семьи и всегда шел. Сказала, что он завидует счастью сестры и начисто лишен чувства ответственности перед родными. Я не должен верить ни одному слову, которое он скажет. Я спросил у нее, не могла бы она что-то сообщить о конкретных вещах, которых он коснулся в своем рассказе, – я ведь хочу установить истину. Я хочу как можно более четко установить истину. Она ведь не против?]

[Она сказала, что не против.]

≡

инт.: Первый вопрос: что случилось в магазине?

г-жа ода: Вы имеете в виду тот день, когда с моим мужем произошел несчастный случай?

инт.: Да, несчастный случай. Как это случилось?

г-жа ода: Против нас ополчился весь город. Люди думали, что мы виновны не меньше, чем Сотацу. Может, так и было, может, так могло быть, и значит, мы все были виноваты одинаково. Так считал мой муж. Он считал, что главная вина на нем. Нас внезапно стали презирать. Мы были ниже всех. Со мной никто не разговаривал. Люди, с которыми я разговаривала много лет, – я встречала их на улице, а они – они делали вот так, шаг вбок. Проходили, отступив дальше обычного. Может, кому-то другому это осталось бы незаметно, но не мне. Совершенно очевидно это было – это расстояние. А вдобавок некоторые даже, они даже плевались в нас. Дети.

инт.: Дети в вас плевались?

г-жа ода: Это случилось один раз. Из окна в меня плюнул ребенок. Господин Ода поступался в дом, но никто не открыл.

инт.: Но мы говорили о несчастном случае.

г-жа ода: Муж пошел в магазин за рисовой мукой. У нас кончилась рисовая мука, и он хотел купить ее, чтобы я могла приготовить обед. В магазине продавец, злобный коротышка, он мне никогда не нравился, никогда... Он отказался продать мужу муку. Муж положил деньги на прилавок и взял муку. Продавец пошел за мужем, говорил, что его деньги грязные. Швырнул деньгами в мужа. Наверное, он всегда моего мужа недолюбливал. Он швырнул ими в него,

деньгами, и стал орать: не ходите больше никогда в этот магазин. Муж попытался с ним поговорить. Сказал: “Вы же знаете, что он не делал этого. Сотацу такого не делает. Это ошибка”. Но тот не желал ничего слышать. Просто взялся колотить моего мужа палкой, какой-то тростью. Начал первый, потом погнался за мужем. Муж попытался убежать, но другие схватили его, не давали подняться и колошматили, пока не приехала полиция. Полиция даже не стала выяснять, кто это сделал. Полицейские всем сказали: идите отсюда. Полиция решила, что это было правильно – то, что с ним сделали.

инт.: А в больницу его не взяли?

г-жа ода: В больницу его не взяли. У него отовсюду шла кровь. Он даже сам себя не помнил. То очнется, то забудется. Врач взглянул на него – открыл заднюю дверцу “скорой”, взглянул на него и говорит, что не примет его в эту больницу и пусть все знают, что он не сделает такую вещь для семьи Ода. Вот совсем не понимаю. Я вас спрашиваю, как такой человек может быть врачом? Моего мужа отвезли в другие места, где были настоящие врачи, в честную больницу, не такую, как эта. Там ему помогли. Столько лет прошло, а я больше никогда не обращалась в эту больницу, ни разу. И друзьям своим говорю: не обращайтесь туда. Она плохая.

инт.: Но главное, о чем я хотел спросить у вас, – про то, как Сотацу сказал Дзиро, что не делал этого.

г-жа ода: Мы не поверили Дзиро. Он всегда был трудным ребенком, в школе учился плохо, все время врал. В детстве был врунишкой, каждый день рассказывал что-нибудь такое, во что как-то трудно поверить. Все приходилось рассматривать под тремя разными углами, и даже после этого оказывалось, что это ложь. И вот ему втемяшилось в голову, что он в чем-то там убедит Сотацу. Мы ему не поверили. Вдобавок он выбрал самый неудачный момент, чтобы всем про это рассказывать. В больничной палате, когда мой муж при смерти? Он не умер, нет. Но он чуть не умер, побывал на грани. Дочь приехала из Токио только чтобы повидать отца, просто из-за его травм. Она не ходила на свидание к Сотацу. Она при этом присутствовала, и ей это тоже не понравилось – то, что Дзиро затеял. Не мы одни так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.